

UNITED WISDOM

Декарт: что остаётся после методического сомнения

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-18-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Декарт: что остаётся после методического сомнения

Представьте условную ситуацию: вы перечитываете короткое сообщение и вдруг обнаруживаете, что оно допускает два противоположных смысла. Ещё минуту назад было очевидно: человек недоволен вами. Теперь появляется другая версия: он торопился и просто не закончил мысль. От сообщения не исчезло ни одной буквы, но исчезла уверенность в вашей истории о нём. Если первая уверенность оказалась ненадёжной, чему вообще можно доверять?

На этом месте легко качнуться от поспешного вывода к столь же поспешному обесцениванию: раз я ошибся здесь, возможно, я ошибаюсь во всём. Между этими крайностями есть вопрос, которым стоит заняться медленно. Что именно потеряло основание: конкретное толкование, способ проверки или сама возможность что-либо знать?

О чём эта статья

Методическое сомнение Декарта интересно прежде всего своим направлением. Оно должно привести к основанию знания, а не сделать недоверие постоянным образом жизни. Мы разберём небольшой исторический каркас этого проекта и затем предложим собственное современное прочтение: как различать переживание, утверждение и основания утверждения; почему чувство очевидности ещё нуждается в проверке; где полезно отложить согласие, а где приходится действовать в условиях неполной информации. Наши бытовые сцены — условные примеры, а не рассказы из жизни философа и не доказанные психологические закономерности. Декартова метафизика также не выдаётся за установленный научный результат. В центре будет напряжение, которое сохраняется и без принятия всей его системы: можно признать ненадёжность некоторых убеждений, не превращая жизнь в бесконечный экзамен на абсолютную достоверность.

@andrey.zarinsh @ilkutki

1. Для чего подвергать проверке то, что уже кажется известным

Сомнение становится методом, когда у него есть предмет, основание и задача. В Первом размышлении Декарт последовательно ставит под вопрос доверие чувствам, различение сна и бодрствования и, через гипотезу могущественного обманщика, надёжность привычных оснований знания. Это мысленная проверка, а не сообщение о существовании такого обманщика. Во Втором размышлении появляется опора: пока я мыслю, моё существование не может быть устранено тем же сомнением. Декарт, «Размышления», I–II.

Наш современный вопрос значительно скромнее картезианского. Представим, что человек говорит: «Я точно знаю, почему мне отказали». Он присутствовал при разговоре, слышал слова, запомнил выражение лица. Но знание события и знание чужого мотива — разные притязания. Можно сохранить первое и проверить второе. Именно такой ограниченный разбор иногда полезнее требования немедленно пересмотреть всё мировоззрение.

У проверки есть цена. Пока мы проверяем один вывод, мы расходуем время, удерживаем внимание и, возможно, задерживаем решение. Поэтому вопрос «могу ли я здесь ошибаться?» желательно продолжить вопросом «какое различие изменит следующий шаг?». Если обе версии сообщения позволяют спокойно попросить уточнение, разгадка скрытого намерения пока не обязательна. Если от версии зависит серьёзное обязательство, потребуется более надёжная опора.

Так возникает первая граница нашего прочтения. Признание возможности ошибки не обязывает считать каждую версию одинаково вероятной или полезной. Человек мог действительно получить отказ, а его объяснение отказа всё ещё остаётся предположением. Проверка защищает различие между этими двумя слоями. Она не должна уничтожать то, что уже достаточно хорошо установлено.

Сомнение может выглядеть смелым, но содержательная работа начинается после него: назвать спорное утверждение, предъявить основание и определить, какой результат проверки будет иметь значение. Иначе оно остаётся жестом, который одинаково легко применить к разумному доводу, собственному неудобному обязательству и любому чужому слову.

2. Сомневаться в утверждении — не значит отменять переживание

После возникновения сомнения остаётся происходящее мышление. Это не сертификат истинности всех мыслей. Академический разбор cogito отдельно подчёркивает его первое лицо и настоящее время; из него нельзя сразу получить достоверность воспоминаний, будущего существования или завершённую теорию души. Он также различает вопрос о том, что известно, и вопрос о том, что существует. Lex Newman, «Descartes' Epistemology», §4.1.

Для нашей условной сцены полезно другое различение. «Мне сейчас обидно» и «собеседник хотел меня унизить» — не одинаковые предложения. Первое говорит о переживании; второе добавляет объяснение чужого намерения. Объяснение может оказаться верным, но оно не получает доказательности только потому, что переживание было сильным.

Если сказать человеку «это всего лишь твоя интерпретация», можно незаметно обесценить и то, что вовсе не нуждается в таком обесценивании: неприятный опыт разговора. Если сказать «раз тебе больно, значит, его намерение ясно», можно закрепить неподтверждённую причинную историю. Между этими ответами есть более аккуратная формулировка: переживание имеет место; его причины и смысл пока допускают уточнение.

Это различение не является диагностикой. Мы не устанавливаем, какие эмоции человек обязан испытывать, и не объявляем самонаблюдение безошибочным. Иногда трудно подобрать слово, иногда нынешний рассказ уже изменяет память о событии. Но такая трудность сама по себе не разрешает постороннему приписывать человеку другой опыт без его участия.

Можно представить и обратную сцену. Человек получил неприятную оценку своей работы и сразу объявляет её неправильной, потому что она вызывает стыд. Здесь достоверность переживания опять не решает вопрос о качестве работы. Допустимы одновременно две вещи: оценка могла содержать справедливое замечание, а способ её сообщения мог быть тяжёлым. Возможность удержать оба положения освобождает разговор от ложного выбора между полной правотой и полным самоотрицанием.

После сомнения остаётся не удобный ответ на каждый вопрос, а пространство, в котором разные вопросы перестают маскироваться друг под друга. Это меньшая, но более пригодная для жизни опора.

3. Когда возможность ошибки превращается в требование невозможного

Не всякая мыслимая ошибка заслуживает одинакового объёма проверки. Это наше практическое положение, не историческое правило Декарта. Возможность, что поезд изменит расписание, и возможность, что весь ваш опыт — безупречная иллюзия, имеют разный статус при покупке обычного билета. Для первой можно проверить время отправления. Для второй такая проверка ничего не решает.

Представим человека, который перед каждой встречей требует полной уверенности, что его правильно поймут. Он переписывает сообщение, уточняет каждое слово, возвращается к уже полученному ответу. Новое уточнение способно уменьшить одну неоднозначность, но не может гарантировать отсутствие всех будущих неоднозначностей. Если задача проверки не имеет условия завершения, она начинает производить следующую задачу вместо результата.

Полезно различить три вопроса. Есть ли конкретная причина считать текущую информацию ненадёжной? Может ли доступное действие эту причину прояснить? Что будет считаться достаточным основанием для следующего шага? На первые два вопроса иногда можно ответить утвердительно. На третий нельзя отвечать требованием такого доказательства, которого данный вид ситуации в принципе не предоставляет.

Это не призыв сокращать любую проверку. При существенных последствиях дополнительные сведения могут быть необходимы. Но высокий риск требует подходящей проверки, а не философского уничтожения всех возможностей ошибки. Если мы проверяем сумму в договорённости, полезно сверить цифры и условия. Уверенность в существовании внешнего мира не заменяет эту сверку, а сверка не решает вопрос внешнего мира.

В нашей интерпретации дисциплина сомнения включает дисциплину масштаба. Можно обоснованно сказать: «Я пока не принимаю этот вывод» — и одновременно продолжать выполнять другие действия, которые от него не зависят. Когда всё привязано к единственной спорной мысли, мы сами делаем её опорой слишком большого здания.

Поэтому ограничение проверки не всегда означает интеллектуальную капитуляцию. Иногда оно означает, что мы наконец назвали настоящий предмет спора. Достаточно проверить, что именно было обещано; не обязательно сначала выяснять окончательную природу памяти, языка и личности.

Можно представить проверку с ясной границей на ещё одном условном примере. Два человека по-разному запомнили время встречи. Они находят запись договорённости. Если запись однозначна, вопрос о согласованном времени становится яснее. При этом

остаётся возможным, что один её не увидел или понял иначе. Это другой вопрос, для которого запись является частью основания, но не полным ответом. Переход от первой проверки ко второй оправдан лишь тогда, когда он действительно нужен для решения.

Если вместо этого начать проверять всякую возможность ненадёжности записи, память каждого участника и смысл любого слова, обсуждение способно потерять связь с собственной целью. Однако остановиться после ясной записи тоже не всегда достаточно: возможно, затем время было изменено. Поэтому границу нельзя определить раз и навсегда для всех ситуаций. Её определяет конкретное притязание вместе с доступными свидетельствами.

Такой подход требует умеренности в обе стороны. Мы не обещаем, что всякая аккуратная проверка даст окончательный ответ. Но и отсутствие окончательного ответа не делает каждый следующий шаг произвольным. Между гарантией и произволом существует пространство оснований разной силы, ограниченных решений и возможного пересмотра.

4. Очевидность и сила убеждения

В четвёртой части «Рассуждения о методе» Декарт переходит от cogito к правилу ясного и отчётливого восприятия и к аргументам о Боге. Он прямо замечает трудность определения того, что воспринимается отчётливо. В той же части различены практическое принятие не вполне достоверных мнений и поиск несомненных оснований. Декарт, «Рассуждение о методе», IV.

Для современного читателя возникает опасный короткий путь: «Это для меня совершенно очевидно, следовательно, это картезиански достоверно». Мы не принимаем такого перехода. В бытовом языке очевидность нередко означает, что альтернативное объяснение не пришло в голову, что мнение знакомо или что его разделяют важные для нас люди. Это условные возможности, которые следует проверять в конкретном случае, а не универсальное описание человеческой психики.

Представим два отчёта об одном проекте. Один выглядит выразительно: крупные цифры, уверенный вывод, краткая причинная история. Другой неудобнее: уточнения, разные периоды, несколько способов подсчёта. Выразительность первого отчёта может помочь пониманию. Но сама по себе она не отвечает, сопоставлены ли одинаковые величины. Второй отчёт может быть точнее или просто запутаннее. Решение требует проверки данных, а не предпочтения определённого стиля.

Здесь полезна такая последовательность: сформулировать утверждение простыми словами; назвать, что сделало его убедительным; отдельно назвать, что сделало бы его проверенным. Иногда два последних ответа совпадут. Иногда между ними обнаружится

расстояние. Уверенный человек, знакомая цифра и повторение одного тезиса не обязательно являются независимыми основаниями.

Другая условная сцена — спор о собственных качествах. Фраза «я всегда всё порчу» может ощущаться очевидной после неудачи. Но её грамматический масштаб огромен: «всегда», «всё», «я». Для проверки потребуется гораздо больше, чем один эпизод. Более узкое предложение — «сегодня я не уточнил срок и пропустил передачу» — не обязано быть приятным, зато его можно сопоставить с конкретной последовательностью.

Так ясность приобретает полезный современный смысл: не усиление голоса, а уменьшение скрытых переходов. Это наше применение, которое не заменяет историческую теорию ясных и отчётливых идей.

5. Минимальная опора и большая история о себе

Между фразой «сейчас происходит сомнение» и фразой «я знаю, кто я на самом деле» лежит значительная дистанция. Её легко перескочить, особенно когда хочется получить из философского аргумента ответ на личный вопрос. Но существование мысли, качество конкретного решения и целостное описание личности требуют разных оснований.

Представим, что человек после провала собеседования решает: «Теперь я понял свою сущность: я неспособен». В таком предложении событие становится свойством, свойство — неизменной сущностью, а нынешний вывод — окончательным знанием. Каждый переход увеличивает масштаб притязания. Проверять его удобнее в обратном порядке: что именно произошло, что было необходимо для этой задачи, какие сведения о других задачах у нас действительно есть?

Наше прочтение предлагает удержать минимальную опору без немедленного присоединения биографии. Можно признать: «Я переживаю неудачу и пытаюсь её объяснить». Затем отдельно выяснять, как подготовка, условия, требования и действия связаны с результатом. Такой разбор не обязан закончиться благоприятной оценкой. Он может обнаружить недостаток навыка. Но недостаток навыка в определённой работе не равен доказательству всеобщей неспособности.

Симметричная ошибка возможна после успеха. Если всё получилось один раз, возникает соблазн объявить собственную интуицию безошибочной. Тогда новая проверка кажется унижением уже установленной компетентности. Однако компетентность может включать именно способность определить, когда привычный способ достаточен, а когда изменились условия.

Важно сохранить и возражение: человеку нужна история о себе, нельзя жить только атомами нынешнего опыта. Это разумное замечание. Мы предлагаем не отказаться от

истории, а обозначить её статус. Рабочее описание способностей способно опираться на ряд эпизодов, замечать изменения и допускать исключения. Оно даёт направление без претензии на окончательную формулу человека.

Можно говорить «мне легче работать после предварительного уточнения задачи» и проверять эту гипотезу. Такая фраза не так торжественна, как заявление об истинной сущности, зато оставляет место новым сведениям и действию. Меньшая уверенность здесь иногда поддерживает большую точность.

6. Возвращение к миру требует дополнительного аргумента

Обретение первой опоры ещё не решает всех вопросов. Декартов проект не заканчивается в точке cogito: последующие размышления строят аргументы о Боге, ошибке, материальных вещах и различении ума и тела. В Шестом размышлении одновременно обсуждаются различие ума и тела и их тесное соединение. Историческое построение нельзя свести к лозунгу «только мысли реальны». Декарт, «Размышления», III–VI; авторский Synopsis.

Дальше начинается наш вопрос к читателю: какие мосты мы строим из одного проверенного положения к другим? Если человек действительно опоздал, это ещё не доказывает неуважение. Если новая процедура дала хороший результат, это ещё не показывает, какая её часть оказалась решающей. Если я обнаружил ошибку эксперта, это не отменяет всего его знания.

Мост можно сделать видимым, добавив промежуточную фразу. Вместо «он опоздал, поэтому я ему не важен» — «я считаю своевременность выражением внимания и предполагаю, что у него не было другого существенного препятствия». Теперь спорное место находится в поле зрения. Можно выяснить обстоятельства, обсудить ожидание или признать, что сведения пока отсутствуют.

У такой прозрачности есть предел. Чужое поведение не становится полностью доступным после одного разговора. Человек может не знать собственных мотивов, не захотеть отвечать или ответить иначе, чем мы ожидали. Но отсутствие полной прозрачности не заставляет выбирать между слепым доверием и абсолютным недоверием. Иногда достаточно договориться о конкретном следующем действии.

Например, двое условных участников совместной работы могут не решить, почему произошла задержка, но уточнить срок и способ сообщения о препятствии. Это не философская победа над скептицизмом. Это практическая договорённость, проверяемая по дальнейшим событиям. Она показывает, что основания действия и окончательное объяснение личности не обязаны совпадать.

После методического сомнения мир возвращается не потому, что стало уютнее, а потому, что мы различили переходы между утверждениями. Даже если читатель не принимает декартовские доказательства, требование предъявлять такой переход остаётся содержательным предметом размышления.

7. Что можно возразить самому проекту

Первое возражение касается слишком сильного старта: зачем искать абсолютную достоверность, если обычное знание допускает исправление? Наш ответ не состоит в том, что любое знание должно пройти картезианский экзамен. Проект показывает один способ поставить вопрос об основании. При повседневном решении мы вправе использовать другие, более ограниченные стандарты, если называем их и учитываем последствия.

Второе возражение касается самого «я». Не вносится ли субъект в исходное утверждение заранее? В академической литературе обсуждаются и этот вопрос, и статус cogito как интуиции либо вывода; единой бесспорной формулы чтения здесь нет. Newman, §4.1. Для нашей статьи важно удержать открытость проблемы, а не объявить спор закрытым узнаваемой латинской фразой.

Третье возражение возникает из жизни: изолированный размышляющий человек уже пользуется языком, памятью и усвоенными способами рассуждения. Наш мысленный пример это подтверждает на уровне конструкции: чтобы выразить сомнение о сообщении, нужно понимать слова и ситуацию общения. Даже попытка остаться с самым малым переживанием описывается средствами, которые мы не создали заново за одну минуту.

Отсюда не следует автоматическое опровержение Декарта. Следует более ограниченный вопрос: что именно должен установить мысленный эксперимент и какие условия его выполнения он оставляет на заднем плане? У всякого сильного метода есть фокус. Полезно видеть то, что метод делает различимым, и то, чего он пока не исследует.

Наконец, можно возразить против нашего применения: не превращаем ли мы сложную философию в набор советов? Такой риск есть. Поэтому бытовые вопросы здесь предложены как самостоятельные современные размышления, а не как скрытая инструкция XVII века. Они позволяют встретиться с проблемой оснований в знакомом масштабе; они не заменяют чтение «Размышлений» и не доказывают правильность системы.

Хорошая встреча с философским текстом сохраняет возможность несогласия. Читатель может оценить силу вопроса, отказаться от ответа и всё же заметить в собственной речи переход, который прежде не был виден.

Отдельный вопрос касается доверия. Может показаться, что после такой дисциплины отношений не останется: каждое слово придётся сопровождать доказательством. Но в нашем прочтении доверие тоже может быть названным основанием с определённым охватом. Я доверяю человеку в согласованной работе, потому что мы уже выполняли обязательства и умеем сообщать об изменениях. Это не означает, что я знаю все его мотивы или принимаю любую просьбу без условий.

Доверие допускает уточнение без обязательного обвинения. Если новый запрос отличается от прежних, вопрос об объёме не отменяет уважения. Если сведения противоречат друг другу, сверка не обязательно выражает подозрение к личности. Можно объяснить, какое различие нужно прояснить для совместного действия. В этом случае сомнение поддерживает договорённость: участники получают возможность согласиться с одним и тем же предметом, а не с разными подразумеваемыми историями.

8. Что это значит на практике

Если вам подходит такой способ размышления, можно выбрать один небольшой эпизод, где вывод опередил проверку. Не обязательно брать самый болезненный или значимый. Полезнее начать с ситуации, в которой уточнение возможно и его последствия ограничены: сообщение, срок, распределение небольшой обязанности.

Сначала запишите одно утверждение, которое вы приняли. Затем отделите то, что было непосредственно сообщено или наблюдено, от объяснения. В условном примере факт может звучать так: «Ответа до вечера не было». Объяснение: «Человек намеренно избегает разговора». Далее перечислите сведения, которые поддерживают объяснение, и хотя бы одну альтернативу, если она действительно мыслима в этой ситуации.

Следующий шаг — определить полезную проверку. Вопрос «когда удобно вернуться к разговору?» иногда даёт больше, чем просьба подтвердить или опровергнуть весь предполагаемый мотив. Для работы можно уточнить, получено ли задание и сохраняется ли срок. Для собственной оценки — сопоставить один эпизод с другими, вместо того чтобы многократно перечитывать ту же неудачу.

При этом не следует выдумывать альтернативы ради оправдания. Если человек прямо отказался, отказ имеет значение. Если условия нарушены неоднократно, повторение тоже имеет значение. Различение факта и мотива не требует бесконечно ждать объяснения или отменять границы. Можно принять решение по наблюдаемому поведению, честно не заявляя, что внутренний мир другого полностью известен.

Заранее названное условие завершения помогает: «После подтверждения получения я перехожу к следующей задаче» или «Если ответ не придёт к согласованному времени,

выбираю доступный вариант». Здесь нет гарантии успеха. Есть ограниченное действие, которое не зависит от полного устранения неопределённости.

Если упражнение делает ситуацию только тяжелее, его можно прекратить. Философская проверка не является обязательной практикой, мерой зрелости или требованием постоянно наблюдать собственные мысли. Право жить и действовать без окончательного философского ответа сохраняется.

9. Опора, которая не обязана стать крепостью

Вернёмся к сообщению из начала статьи. Допустим, уточнение показало: собеседник действительно торопился. Первое объяснение изменилось. Из этого не следует, что чувствам нельзя доверять, что отношения всегда надёжны или что новая версия навсегда исключила ошибки. Изменилось одно утверждение на основании новых сведений.

Предположим другой исход: человек подтвердил недовольство. Тогда сомнение не было напрасным. Оно помогло превратить предполагаемую враждебность в определённую тему разговора. Возможно, появится разногласие о задаче, сроке или форме общения. Опора опять будет конкретной, а не всеобщей.

Самое содержательное последствие нашего прочтения — способность не смешивать потерю одного основания с потерей всех оснований. Убеждение может быть неверным, метод проверки — пригодным, а переживание — требующим внимания. Мы можем знать меньше, чем утверждали, и всё же знать достаточно для следующего ограниченного действия.

Есть соблазн построить из найденной опоры крепость: одна несомненная мысль должна защитить от будущих сомнений, непонимания и неудач. Но бытовое решение редко получает такую защиту. Оно скорее нуждается в возможности обновления. Это уже наша редакционная позиция, отличная от стремления построить неколебимое основание всей системы знания.

Философское сомнение ценно не количеством отвергнутых мнений. В нашем современном прочтении его ценность определяется тем, появился ли более точный вопрос. Что я переживаю? Что утверждаю? На что опираюсь? Какой переход пока остаётся непроверенным? Эти вопросы способны сосуществовать с доверием, работой и обязательствами.

После методического сомнения остаётся не весь мир, заново доказанный за один вечер. Остаётся различие между мыслью и её притязанием, между силой уверенности и качеством основания, между поиском истины и необходимостью сделать следующий

шаг. Иногда именно это различие позволяет вернуться к жизни внимательнее, сохранив и разум, и право не знать всего.

Источники

1. René Descartes. *Meditationes de prima philosophia* («Размышления о первой философии»), 1641: Synopsis, I–II; III–VI для последовательности построения. Латинский текст Project Gutenberg. Здесь использован оригинальный текст и авторский обзор, не конкретный русский перевод.

2. René Descartes. *A Discourse on Method*, перевод John Veitch: часть IV. Project Gutenberg.

3. Lex Newman. *Descartes' Epistemology*: §4.1, дискуссия о cogito и границах первоначального результата. Stanford Encyclopedia of Philosophy.